

ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ

**ДРУГАЯ
СТОРОНА
СВЕТА**

Всеволод Овчинников
Другая сторона света (сборник)

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-43
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Овчинников В. В.

Другая сторона света (сборник) / В. В. Овчинников —
«Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-114605-4

Книга «Другая сторона света» — это сборник, в который вошли лишь рассказы о жизни автора, о курьезных и серьезных случаях из периода его пребывания в разных странах. О жизни, обычаях, кухне народов Востока. В ней практически отсутствуют экономические и политические статьи, но много личных наблюдений автора, его понимание и восприятие жизни народов Китая и Японии. Этот сборник — подарок автора своим постоянным и новым читателям.

УДК 821.161.1-43
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-114605-4

© Овчинников В. В., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Об авторе	6
Калейдоскоп жизни. Экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы	7
О времени и о себе. Юный блокадник	7
Счетовод в сибирском колхозе	10
Гардемарин на Невском	12
Новогоднее дежурство новичка	15
«Разобраться и наказать»	16
Тухлые яйца как ключ к карьере	18
Русский с китайцем... Поезд Москва – Пекин	19
Творческое кредо – «грамматика жизни»	21
Иероглиф на женской груди	23
Боль на западной стороне живота	24
Культ недеяния и культ нежелания	26
Секреты монастыря Шаолинь	28
Вырванные веки Бодхидхармы	30
Азиатские секреты долголетия	32
Наперсток горячего пива	34
Змея над чашей	35
Угостят кошкой с мышкой	37
Время обнимать	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Всеволод Овчинников

Другая сторона света

© Овчинников В.В., 2016

© ООО «Издательство АСТ»

Об авторе

Года три тому назад на книжной выставке на ВДНХ выступал Всеволод Владимирович Овчинников. Аудитория просто завалила его вопросами, людей разного поколения интересовало, как он рассматривает отношения, которые сложились между Россией, Японией и Китаем. А после выступления огромное количество людей потянулись к автору за автографом. Все пытались сказать что-то приятное, и Всеволод Владимирович, несмотря на неважное самочувствие, терпеливо отвечал всем и подписывал свои книги. Меня тогда поразило то, насколько популярен этот человек, который, будучи журналистом-международником, поставил своей целью сблизить такие разные народы, помочь им понять и принять друг друга.

В этом году автору исполняется 90 лет. Мы уже выпустили несколько сборников его книг. Но к такой круглой дате хочется сделать еще один подарок автору.

В этот сборник вошли лишь рассказы о жизни автора, о курьезных и серьезных случаях из истории его пребывания в разных странах. О жизни, обычаях, кухне народов Востока.

Когда-то, отчисляя Всеволода Овчинникова из военно-морского училища по состоянию здоровья, начальник училища сказал: «Овчинка не стоит выделки!» Но это как раз тот случай, когда «овчинка сама себя и выделала». Потому что упорство Овчинникова в повышении профессионализма, изучении и достижении целей достойно всяческого уважения. Если человек хочет, чтобы его услышали, если он хочет донести что-то до своих слушателей, он должен знать тему значительно лучше своих собеседников.

Когда-то, обучаясь в институте, Всеволод увлекался еще и греблей. Чтобы лучше запоминать иероглифы, ребята клеили бумажки с их написанием на спины впередисидящих. Так вот гребли и учились одновременно. Тяжеловато, конечно, зато впереди всегда есть цель, и она видима и достижима.

Так вот, выставляя цель, автор шел к ней, порой брал ее штурмом, порой размеренно и не спеша, как учит восточная философия. Созерцание со стороны, проникновение в суть – это ведь тоже путь познания.

Мы гордимся своим автором и желаем ему здоровья и благополучия.

(Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»)

Калейдоскоп жизни. Экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы

О времени и о себе. Юный блокадник

Мне было суждено пропустить через свою личную судьбу три четверти двадцатого века. Оглядываясь на прожитое, я порой спрашиваю себя: какой же момент моей жизни был самым радостным, самым незабываемым? И тогда, кроме общего праздника моего поколения – Дня Победы, я вспоминаю Первомай 1945 года.

Да, таким моментом для меня является незаслуженно забытый историками первомайский парад на Дворцовой площади в Ленинграде за восемь дней до конца войны. Я, девятнадцатилетний курсант военно-морского училища, стоял в парадном расчете перед фасадом Зимнего дворца, который только что обновили пленные немцы.

Потом в моей жизни было пять памятных парадов на Красной площади. Но ни разу так не трепетала, так не пела душа, как в питерский Первомай 45-го, когда мои соотечественники в далеком Берлине подняли над Рейхстагом знамя Победы. Это был поистине победный триумф для моего родного города, воскрешенного после 900 дней блокады.

Я родился, вырос и пережил блокаду в Ленинграде. Наш серый шестиэтажный дом, построенный еще в дореволюционные годы, стоит на Фонтанке напротив Никольского переулка, что ведет к собору Николая Угодника, чтимому военными моряками. Чуть правее по Фонтанке начинается Измайловский проспект.

Величественную красоту Северной столицы я увидел и оценил глазами моего отца – Владимира Овчинникова, архитектора по профессии и поэта по призванию, который не только построил в родном городе несколько зданий, но и ставил там в 20-х годах прошлого столетия свои пьесы, выпустил сборник стихов.

У отца были излюбленные маршруты, по которым он водил нас с братом гулять. Например, по Вознесенскому до Исаакиевского собора, потом к Медному всаднику и по Неве до Зимнего дворца. Или по Садовой до Невского, оттуда к Казанскому собору, а затем на Площадь искусств, к Русскому музею и Филармонии.

Мне было четыре года, когда две бабушки воспользовались тем, что мои родители отдыхали в Кисловодске, и отправились меня крестить. До Никольского собора я дошагал сам. Инициатором затеи и крестной матерью была школьная подруга мамы – оперная солистка Софья Преображенская, обладательница известного тогда всей стране меццо-сопрано. Держать на руках перед купелью упитанного четырехлетнего мальчугана ей, наверное, было нелегко.

Благодаря крестной матери я с дошкольных лет приобщился к классической музыке. «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Садко», «Руслан и Людмила», «Конек-Горбунок», «Спящая красавица», «Щелкунчик» – большинство популярных детских сказок я впервые воспринял в музыкально-сценическом исполнении. Словом, архитектурные шедевры Ленинграда, оперы и балеты Мариинки во многом повлияли на формирование моего духовного мира.

Мы жили в отдельной квартире, что тогда было редкостью. Выглядел я в довоенные годы, как типичный «гогочка» – так именовали тех, кого нынче сочли бы «ботаником». Однако, несмотря на свою бархатную курточку с бантом, я дружил во дворе с мальчишками, таскал им из отцовского шкафа «Королеву Марго» и «Остров сокровищ».

С четвертого класса я с увлечением коллекционировал марки и пешком ходил в единственный филателистический магазин на Невском. Тратил на марки все, что мать давала на школьные завтраки. Но денег не хватало. И вот однажды я решился встать вместе с нищими на

паперти расположенного поблизости от дома Троицкого собора. Вид прилично одетого мальчика в пальто с меховым воротником и ушанкой в дрожащих руках потряс прихожан. (Как-никак шел 37-й год!) За полчаса я собрал больше, чем все остальные страждущие. Но на беду партнерши бабушки по преферансу опознали меня. Пришлось поклясться ей, что никогда в жизни больше не буду просить подаяния.

Учился я, как и жил, на Фонтанке, в 264-й неполной средней школе напротив Египетского моста. Война началась ровно через три недели после выпускного вечера в нашем седьмом «А». Первые записки девочкам сменились дежурствами на крыше, которые дали повод показать свою отвагу при тушении зажигательных бомб. На школьном фасаде появилась надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

Поначалу все это выглядело романтично. Но сентябрьское зарево над Бадаевскими продовольственными складами означало, что судьба уготовила нам нечто страшнее бомбежек и обстрелов. Из двадцати четырех моих одноклассников до весны 42-го дожили лишь семеро. Организм пятнадцатилетних мальчишек оказался особенно уязвимым для вызванной недоеданием дистрофии.

Как же удалось нашей семье пережить голод? Во-первых, мама каждое лето варила много варенья из клубники, малины, смородины. И с весны закупала сахар, чтобы, привезя с дачи ягоды, не бежать в магазин. Когда началась блокада, у нас было 12 килограммов сахарного песка – неслыханное богатство! Во-вторых, отец строил для известной обувной фабрики «Скороход» санаторий на озере Омчино, заказывал какой-то артели «буржуйки» для рабочих бытовок. И когда началась война, успел купить одну для себя.

Ведь блокада означала для ленинградцев не только голод. Когда в многоэтажных городских домах вышли из строя отопление и освещение, водопровод и канализация, остановились лифты, жизнь в них стала невыносимой. Поэтому осенью мы переехали к тетке на Петроградскую сторону, с шестого этажа на второй. (Еще повезло, что успели добраться с чемоданами и узлами на трамвае, ибо весь общественный транспорт к зиме оказался парализован.) Тетка отдала нам тринадцатиметровую комнату, где отец с матерью спали на кровати, мы с братом – на диване, а у окна поставили «буржуйку».

Отец, которому шел пятьдесят третий год, служил в аварийно-восстановительном полку. Он руководил расчисткой завалов после налетов, а также занимался защитой от бомб и снарядов исторических реликвий, вроде Медного всадника или античных статуй в Летнем саду. Через день он ночевал дома и каждый раз приносил в противогазной сумке по три полена.

Но когда начались морозы, этого стало не хватать. Пришлось ходить за топливом в свою квартиру на Фонтанке. До сих пор поражаюсь, как я умудрялся проделывать пешком такие расстояния! От Большой Пушкарской надо было пройти весь Кировский проспект, подняться на мост через Неву, пересечь Марсово поле, обогнуть Инженерный замок, выйти на Садовую, проследовать вдоль Гостиного двора к Сенной площади и, наконец, по Вознесенскому добраться до Фонтанки. А там на шестом этаже надо было распилить очередную пару стульев или этажерку, привязать дрова к детским саночкам (на которых тогда в Ленинграде чаще всего возили трупы) и спешить в обратный путь, ибо зимой темнеет рано.

Однажды я возвращался с Фонтанки, переждав очередной артобстрел в подворотне у Инженерного замка. Выйдя на безлюдное Марсово поле, почувствовал, что должен передохнуть. Присел на заснеженный холмик рядом с протоптанной людьми тропой. Стало как-то легко и светло на душе. Мелькнула мысль, что я засыпаю и могу замерзнуть. Тело стало крепнеться набок. Я уперся рукой о холмик, на котором сидел. И вдруг увидел под собой человеческую ногу. Разгреб снег и убедился, что сижу на трупе.

По телу словно пробежал электрический разряд. Собрав все силы, я поднялся, протер снегом лицо. И еле волоча ноги побрел к мосту через Неву. Так один из замерзших на улице ленинградцев спас мне жизнь. За что я навсегда перед ним в неоплатном долгу.

На Петроградской нам повезло: в соседнем дворе оборудовали водоразборную колонку. Таская ведра с водой и вынося параши, я всякий раз радовался, что второй этаж лучше, нежели шестой. Кстати, из-за того что полуживые жильцы выливали нечистоты прямо во дворе, под нашими окнами к весне из них образовались торосы в рост человека.

Мы выжили потому, что каждый день ели горячий суп, а утром и вечером пили сладкий чай. Главное же – мы с братом изловчились ловить на рыболовный крючок бездомных кошек. Накинув на добычу холщовый мешок, несли ее в соседний госпиталь. Сердобольные медсестры прямо через мешковину делали кошке усыпляющий укол, после чего ее можно было освежевать. Каждую тушку ели дней десять, а из обглоданных костей варили студень.

Когда, грея руки об остывающую «буржуйку», мы коротали вечера при тусклом свете коптилки, нашей единственной связью с внешним миром был громкоговоритель. Голос ленинградской поэтессы Ольги Берггольц, записи концертов из филармонии и спектаклей из Мариинки придавали нам силы. Когда 7 ноября 1941 года мы услышали трансляцию состоявшегося накануне в Москве торжественного собрания, когда узнали о том, что в этот день на Красной площади как всегда прошел военный парад, это поистине было для нас согревающим лучом надежды в холодной тьме.

Наступила весна. Холод и темнота отступили. Мать стала класть в суп собранную на пустырях лебеду. А нас, выживших старшекласников, школа отправила за город сажать картошку. Мы отрезали и совали в землю лишь верхушку клубня, а остальное тут же с наслаждением съедали. Мой сосед по палатке, прямо как чукча из современного анекдота, по ночам выбирал из борозды посаженные накануне картофельные глазки. А ведь никто нам не говорил, что сырой картофель – лучшее средство от цинги.

Обстрелы и бомбежки продолжались, но их как-то перестали замечать. Ведь голод ежедневно косил стократно больше людей. Однажды мама сидела на подоконнике и мыла лебеду. Я в чулане за кухней искал в темноте бутылку с керосином и позвал ее на помощь. Через несколько секунд после того, как мать подошла, в подоконник угодила снаряд. Он пробил пол и разорвался между этажами. Нас слегка оглушило и обсыпало штукатуркой. Но куда больше испугался отец, когда, подойдя вечером к дому, увидел под нашим окном пробоину.

Блокаде не было видно конца. И зимовать второй раз в осажденном городе мы не решились. Дождливый осенним днем 42-го нас по Ладожскому озеру вывезли катером на Большую землю. Пока добирались эшелонам до Сибири, из нашей теплушки не раз выгружали трупы попутчиков, скончавшихся от дистрофии.

Счетовод в сибирском колхозе

Высадили нас из поезда между Тюменью и Омском. Да еще везли на грузовике километров сто к северу от железной дороги. В селе Плетнево Юргинского района Омской области нам отвели избу-пятистенку, что пустовала с тех пор, как ее владельцев раскулачили во время коллективизации.

Мать быстро освоилась с русской печью и колодцем. Труднее было привыкнуть к неожиданным визитам соседей. Они отказывались проходить в дом и молча грызли семечки в сенях, дивясь тому, что «городские едят как собаки – каждый из своей миски». Впрочем, основной темой общения вскоре стал обмен привезенных нами вещей на продукты. И тут мы научились сбивать местных жителей с толку, прося за понравившуюся им кофту «три ведра картошки, два кило муки и полсотни яиц». Привести же все это к какому-то привычному знаменателю было для покупателей непосильной задачей.

Понимая, что таким обменом долго не проживешь, мать устроилась в МТС сушить чурки для газогенераторных тракторов. А мне предложили должность счетовода в соседнем колхозе «Трудовик». Там был позарез нужен грамотный человек, хотя бы для отчетности перед районным начальством, которому постоянно требовались какие-то сведения. Меня соблазнили оплатой не в трудоднях, а в натуре: ежемесячно пуд муки, шесть пудов картошки да еще крынка молока каждое утро. Пришлось поселиться в соседней деревне у крепкой старухи, которая пекла мне в русской печи шаньги с картошкой и топила баню по-черному.

Так ленинградский подросток, не имевший ни малейшего представления о сельском хозяйстве, в шестнадцать лет оказался главным кормильцем семьи, стал ответственным за экономику и финансы трех сибирских деревень. Моей главной задачей было отбиваться от уполномоченных, тщетно пытавшихся дать очередной нагоняй председателю колхоза (приходилось говорить, что тот с утра уехал в поле, хотя на самом деле прятался за домом в бане). Набравшись у меня цифр и фактов, уполномоченные уезжали. А мне оставалось составлять и передавать по телефону в район очередные сводки: «Отчет о ходе взмета паров, прополки и сенокоса», «Отчет о ходе уборки колосовых, сева озимых и вспашки зяби», «Отчет о состоянии поголовья скота и его продуктивности».

Зимой отчетность осложнило чрезвычайное происшествие. Жертвами нападения волков на скотный двор стали две овцы. Сибиряки намеревались сжечь их как падаль. Но я попросил отдать промерзшие тушки мне. Положил на санки охапку сена, сверху привязал овец и субботним утром отправился порадовать мать и брата бараниной. Надо было пройти три километра через перелески. И тут на дорогу вышли три волка, привлеченные запахом крови. Они были похожи на больших овчарок, но как-то необычно поджимали хвосты. Вокруг не было ни души. К счастью, с собой оказались спички. Стал поджигать сено и бросать его на дорогу. Запах дыма хищникам не понравился, и они отстали.

Местные жители относились ко мне, блокаднику, приветливо и сочувственно. Женщины-солдатки – по-матерински. Когда я приходил к дояркам записывать показатели, они наливали мне ковш сливок, от которых я хмелел и тут же засыпал. У девчат был интерес иного рода, поскольку все парни старше 16 лет ушли воевать. Однажды зимой председатель послал меня на совещание в район с заведующей молочной фермой. Это была 26-летняя Клава с фигурой олимпийской чемпионки по толканию ядра.

Мы запрягли в сани председательского мерина Серко, накрылись меховым пологом и поехали через заснеженный лес. И вот среди этого белого безмолвия, этой сказочной благодати девица принялась меня тормозить. Мне было щекотно, я не понимал, в чем дело. И своей индифферентностью так разозлил соседку, что та своим могучим бедром вытолкнула меня из саней. Проваливаясь в снег, я долго брел по лесу один, пока меня не подобрала попутчица.

После этого обо мне стали петь частушку:

Вот так вот, счетовод, много понимает...
Пятью пять – двадцать пять.
Дважды два – не знает!

Словом, невинности в Сибири я так и не лишился. Зато через полгода настолько овладел двойной бухгалтерией, что за сотню яиц составлял годовые балансы соседним колхозам. Одновременно учился в районной школе, где заочно окончил восьмой и девятый классы, начал учиться в десятом. Но в ноябре 43-го нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Провожать меня вышли все три деревни. Причем женщины по традиции «выли в голос», так что когда процессия проходила мимо нашей избы, я лишь издали махнул матери рукой.

Гардемарин на Невском

Итак, в ноябре 1943 года нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Отправили в 12-й Отдельный учебный стрелковый полк Сибирского военного округа, в город Каинск, куда в царские времена ссылали за убийства. Наш противотанковый артдивизион размещался в старинном остроге: батареи – в общих камерах, а сержантский состав – в одиночках. К счастью, тюремных нравов в этих зловещих стенах не было и в помине. Наоборот, царила атмосфера, которую можно назвать «дедовщиной наоборот».

Мои сверстники – сибирские парни, как и старослужащие – сержанты-фронтовики относились ко мне, ленинградцу-блокаднику, еще не оправившемуся от истощения, с трогательной заботой. Не разрешали толкать плечом пушку, таскать ящики со снарядами и вообще перенапрягаться. Зато мне поручали выступать от дивизиона на комсомольских активах или полковых митингах – вроде того, что проводился по случаю встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране.

Весной 1944 года я окончил полковую школу и готовился отправиться на фронт как командир 45-миллиметровой противотанковой пушки. С этим «оружием самоубийц» у меня было немного шансов дожить до конца войны. Но тут пришел приказ Верховного главнокомандующего откомандировать из строевых частей в военные училища всех новобранцев со средним образованием или мобилизованных из десятого класса.

Так я снова оказался в родном Питере, в военно-морском училище, что поныне находится в Адмиралтействе. Нашими кумирами были персонажи Станюковича, наследники традиций парусного флота с их обостренным чувством долга и чести. Этим благородным щеголям мы стремились подражать и внешне, фетишизируя каждую деталь военно-морской формы.

Чтобы брюки казались более расклевенными, мы натягивали их на фанерные клинья. Тельняшки и суконные форменки ушивали так, что они одевались с трудом, как джинсы у современных женщин. Дабы не выглядеть салагой, было принято до голубизны вытравливать хлоркой матросский воротник. Шинель укорачивали почти до колен, а ленточки на бескозырке, наоборот, удлиняли. Когда лохотный гардемарин выходил на Невский, все девушки, как нам казалось, провожали его восхищенными взглядами.

Для меня эта морская романтика была особенно разительным контрастом. Как уже упоминалось, в сибирской полковой школе, где я начинал военную службу, наша батарея занимала общую камеру старинного острога. Кормили же нас в крытом тюремном дворе. Щи подавали в ведрах, а кашу с консервами – в больших банках от американской тушенки. Каждый носил в противогазной сумке эмалированную миску, а за поясом – алюминиевую ложку. И вот я, сержант-артиллерист в обмотках, попадаю под своды Адмиралтейства, где в обеденном зале все как в мирное время – белые скатерти, фарфор, столовые приборы.

Призванный в 1943 году из десятого класса, экзамены на аттестат зрелости я сдавал уже в Ленинграде, на подготовительном курсе. А поскольку получил одни пятерки, мог выбрать любое училище. И не использовал шанс обрести хорошую гражданскую специальность инженера-кораблестроителя лишь потому, что тогда пришлось бы, как медику или интенданту, носить на погонах серебряные якоря. Лишь курсанты училищ, готовивших офицеров плавсостава, ходили с золотыми, что в мои девятнадцать лет казалось важнее всего.

В выходные дни гардемарины с золотыми якорями танцевали в левой части Мраморного зала на Васильевском острове. Надо сказать, что ленинградки 40-х годов отлично разбирались в знаках отличия и особенностях морской формы. Например, танцуя с гардемарином, девушка никогда не клала левую руку на девственно чистый матросский воротник, а старалась поместить пальцы под него, что к тому же усиливало ощущение близости партнеров.

На танцевальных вечерах мы привыкли сознать себя самыми желанными кавалерами. Но кроме юношеского снобизма было в нас и некое донкихотство. Мы, четверо сокурсников, высматривали у входа в зал девушек, весь вечер бесплодно прождавших, что кто-нибудь обратит на них внимание. И приглашали их на три заключительных танца. Причем всякий раз происходила сказочная метаморфоза. Невзрачные создания как бы расцветали изнутри. Их засиявшие глаза совершенно преображали внешность. Появлялось даже желание завязать очередной роман. Но мы исчезали столь же внезапно, как появлялись. Ибо, подобно Золушке, должны были вернуться к 23.45, то есть быть в училище за четверть часа до полуночи.

Однажды весной наш курс на месяц лишили увольнений. Можно было только звонить родным и знакомым по телефону-автомату. А моя девушка настаивала, чтобы я непременно пришел поздравить ее с днем рождения. Дескать, знакомый ее подруги из Военно-морской медицинской академии бывает в городе почти каждый день. Вместе с приятелем, услышавшим такие же упреки, мы решили сбежать в самоволку.

Фасад Адмиралтейства, обращенный к Зимнему дворцу, тогда ремонтировали пленные немцы. И вот они, как и многочисленные прохожие, с изумлением увидели двух гардемарин с палашами, которые спускались с третьего этажа по строительным лесам. Мы благополучно навестили своих знакомых и к вечерней поверке вновь встретились в Александровском саду.

Попробовали войти через проходную. Авось старшекурсник на посту не поднимет шума. Но на беду рядом с ним оказался дежурный офицер. Мы кинулись бежать через Дворцовую площадь. Лейтенант кричал нам вслед и стрелял в воздух из пистолета. Приятель устремился к арке Главного штаба, где его задержали прохожие в военной форме. А мне удалось добежать до Эрмитажа и скрыться в одном из подъездов.

Даже в два часа ночи в Питере все еще было светло, и я увидел возле проходной усиленные патрули. Тогда я вышел на Неву к одной из арок Адмиралтейства. Створки ее ажурных ворот сходились под небольшим углом. Так что между ними и натянутой сверху колючей проволокой оставался зазор. Без труда поднялся по чугунному кружеву, но зацепился за проволоку. Пришлось вылезать из собственных брюк. Впрочем, одежду надо было все равно снять, чтобы запрятать ее в галюне и потом частями перетаскать в казарму. Дабы скрыть мое отсутствие, друзья сделали на койке куклу из одеяла. Ну а пойманный одноклассник, разумеется, меня не выдал, хотя получил за это максимальный срок гауптвахты.

После дизельного факультета я мог стать командиром подводной лодки. А мой однокурсник Владимир Чернавин даже дослужился до Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР. Но на третьем семестре кто-то обратил внимание, что при стрельбе из пистолета я шурюсь. Проверили зрение – выявили близорукость (последствие блокадной дистрофии). А носить очки считалось неприличным для морского офицера. Начальник училища иронично изрек: «Овчинка выделки не стоит!»

Обладателя фамилии Овчинников подобный каламбур отнюдь не веселил. С трудом выхлопотал направление в Москву, на морской факультет Военного института иностранных языков. Но там меня в середине года никто не ждал. Тем более что после войны ВИНЯ был даже более элитарным заведением, чем нынче МГИМО. Туда брали генеральских детей да мастеров спорта.

Еле уговорил зачислить меня до вступительных экзаменов в караульную роту: день стоишь часовым, день драишь галюны. А впереди – сочинение, английский, история.

Сдал все на пятерки. Но приняли совсем не поэтому. А потому что я сам попросил зачислить меня на китайское отделение. Откуда-то взявшаяся дальновидность предопределила мою дальнейшую жизнь. В 1947 году в ректорате лежало 17 заявлений от первокурсников-китайцев со слезными просьбами перевести их на любой другой язык. Не только из-за трудностей иероглифики. Казалось, что китайская революция на грани поражения, и самый трудный язык

никому не хотелось учить. Поэтому мое заявление использовали для воспитательной работы. Вы, мол, дезертируете, а люди сами просятся...

Через два года в гражданской войне между Чан Кайши и Мао Цзэдуном произошел перелом, была провозглашена Китайская Народная Республика, и моя профессия вдруг стала самой модной. Вплоть до того, что журнал «Новый мир» в 1950 году опубликовал мою дипломную работу «Советская литература в Китае».

Вскоре после этого меня на выпускном курсе прикрепили переводчиком к одной из первых делегаций из Пекина. В программе было посещение «Правды». Ее тогдашний главный редактор Леонид Ильичев и один из основателей компартии Китая Линь Боцуй оба слыли философами и изошрялись в остроумии. Шуток гостя я часто не понимал, а остроты хозяина не знал, как перевести. Но смело импровизировал, так что собеседники остались в восторге друг от друга и от моих языковых способностей. Ильичев заметил: «Вы неплохо знаете Китай. Никогда не пробовали сами писать на дальневосточные темы?»

Я рассказал о статье в «Новом мире». Ильичев попросил принести ему номер. В итоге появился приказ министра обороны Малиновского: «Откомандировать старшего лейтенанта Овчинникова в распоряжение главного редактора «Правды». Так определилась моя судьба на последующие сорок лет. Я ушел из своей журналистской альмаматер весной 1991-го, за несколько месяцев до ГКЧП.

Новогоднее дежурство новичка

Итак, осенью 1951 года меня, выпускника Военного института иностранных языков, взяли в «Правду» как китаиста с перспективой работать в Пекине. Подошел Новый год. И самого молодого «правдиста», литсотрудника отдела стран народной демократии, естественно, поставили дежурить на праздник.

Еще со времен Марии Ильиничны Ульяновой было принято за полчаса до полуночи собираться в конференц-зале, дабы выпить с главным редактором по бокалу шампанского. Эта давняя традиция всегда служила ширмой для подпольных пирушек по кабинетам.

Так было и теперь. Собрались сначала все международники, потом все соседи по третьему этажу. В конференц-зал пришли последними и весьма навеселе. Почти все места были заняты. И какой-то шутник посоветовал мне: «Сядь рядом с главным, ведь это будет неофициальная встреча».

Вошел Леонид Ильичев. И увидел, что на месте его первого заместителя уселся, можно сказать, новобранец. Он тут же понял причину подобной фамильярности и как человек с юмором, любивший проверять людей в неординарных ситуациях, сказал: «В отличие от прошлых лет, с новогодним тостом на сей раз выступит не главный редактор, а самый молодой член нашего коллектива. А коль скоро он востоковед, пусть произнесет свою речь по-китайски и переведет. Пожалуйста, товарищ Овчинников».

Я разом протрезвел и бойко начал. По-китайски можно было говорить что угодно. Но что сказать по-русски? Начал с того, что 1951 год ознаменовался созданием отдела стран народной демократии. И предложил выпить за то, чтобы он из года в год рос и в конце концов стал единственным из международных отделов.

Ильичев приветливо кивнул. Считай, мол, что выдержал экзамен. После этого мы на радостях продолжили подпольное празднование. Я в конце концов заснул у себя на диване (тогда они стояли во всех кабинетах, ибо газета нередко выходила под утро).

Среди ночи меня разбудила курьерша: первую полосу переверстали, так как неожиданно пришло новогоднее приветствие Сталина японскому народу. Надо было сокращать и заново вычитывать мою колонку «В странах народной демократии». Газета вышла лишь на рассвете.

«Всю жизнь будешь теперь вспоминать эту Страну восходящего солнца!» – пошутил выпускающий. И оказался пророком. Ссора между Мао Цзэдуном и Хрущевым заставила меня переквалифицироваться с Китая на Японию. Через десять лет после описанного эпизода я поехал работать в Токио. А через двадцать лет коллеги знали меня уже не как китаиста, а прежде всего как автора «Ветки сакуры».

«Разобраться и наказать»

Военный институт иностранных языков готовил кадры для Генерального штаба. Знания языка и страны я получил хорошие. А вот о профессии журналиста не имел понятия. Пришлось изучать газетное дело буквально с азов, на рабочем месте.

Впрочем, я не был исключением. Среди молодых международников практически не было выпускников факультетов журналистики. В газету предпочитали брать страноведов, то есть людей со знанием языков и регионов. Ну а журналистские навыки надо было обретать на практике. К примеру, я, китаист, который потом стал еще и японистом, должен был держать в поле зрения Дальний Восток, тогда как арабист Евгений Примаков занимался Ближним Востоком. Были у нас профессиональные индологи, германисты, американисты.

Всем нам до выезда за рубеж надо было научиться делать газету, то есть дежурить по номеру – сначала в паре с более опытным коллегой, а потом и самостоятельно. Дежурный по отделу отвечал за все, в том числе и за орфографию, хотя она, строго говоря, входила в компетенцию корректуры.

Всех нас глубоко потряс трагический случай с ветераном-правдистом, который работал в газете с 30-х годов. В его дежурство шла статья о войне, где цитировался приказ Верховного Главнокомандующего. Линотипист на беду пропустил букву «л» в слове «Главнокомандующий». Получилось нечто весьма неблагозвучное.

Ошибку прозевали и корректор, и дежурный, и «свежая голова». Слава богу, не заметили ее и в Кремле, а то дело могло бы кончиться роковой 58-й статьей. Но через пару дней пришла возмущенная телеграмма от какого-то бдительного пенсионера (мы их называли «народными мстителями»). Надо было реагировать. И ветерана уволили без положенной ему по стажу повышенной пенсии.

Главной заботой дежурного по моему отделу было подготовить колонку «В странах народной демократии» для первой страницы газеты. Она должна была быть событийной и при этом разнообразной как тематически, так и географически.

Старожилы редакции учили меня, что, получив заметку от собственного корреспондента, следовало поинтересоваться: сообщал ли об этом ТАСС? Если в материале официального агентства было нечто важное, что отсутствовало у нашего собкора, такой абзац ему надлежало вставить.

В день, о котором пойдет речь, наш собкор из Варшавы передал, что Генеральный секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут посетил площадку, выделенную столице для возведения Дворца культуры и науки, проинспектировал подготовку к строительству, подробно ознакомился с проектом. В аналогичной тассовке говорилось, что Берут «ознакомился с проектом и одобрил его». Я усмотрел в этом важный нюанс и, вырезав данную фразу из телеграфной ленты, вклеил ее нашему корреспонденту.

Прочитав на другой день газету, наш посол в Польше обвинил местного правдиста в грубой политической ошибке. Дескать, Дворец культуры и науки – это дар товарища Сталина Варшаве. Так что одобрять или не одобрять его проект не вправе никто, в том числе и Берут.

К счастью для нашего собкора, он передавал заметку телеграфом и предъявил текст, где таких слов не было. Тогда посол отправил шифрованную телеграмму «верхом». Она прежде всего попала к куратору строительства высотных зданий – Лаврентию Берию. Тот написал на ней два слова: «Разобраться и наказать».

До сих пор поражаюсь, как после такой резолюции я остался цел и невредим. Могу объяснить это лишь феноменом, который физики называют «момент силы». Слишком уж сокрушителен был удар и слишком ничтожен объект.

Главному редактору «Правды» поставили на вид. Заведующий отделом стран народной демократии получил выговор. Ну а меня на три недели отстранили от дежурства. Это было очень кстати после моей только что состоявшейся свадьбы. Коллеги-международники очень радовались за меня. Сбегали через дорогу в гастроном за выпивкой и отпраздновали мою удачу.

Надо сказать, что и при Сталине мы часто пировали по кабинетам по всякому поводу. Представление о том, что в условиях тоталитаризма все ходили по струнке, ошибочно. Как ни парадоксально, сталинская эпоха благоприятствовала служебным романам. Рабочий день в газете официально начинался в три часа дня и кончался в полночь. По графику газета выходила в три часа утра, фактически же – около пяти. Поэтому в каждом кабинете еще с военных лет стоял диван. Мы были молоды, в большинстве холосты. А в одном лишь отделе писем работало несколько десятков выпускниц юрфака МГУ. Не говоря уже о комсомолках из расположенной как раз над нами «Комсомолки».

Словом, зажатыми в какие-то тиски мы себя отнюдь не чувствовали. На сей счет ходила басня. Дескать, кто-то из правдистов после полуночи выбросил в окно пустую водочную бутылку, которая угодила постовому по голове. Разразился скандал, приехала милиция. Стали нюхать каждого, кто выходил из здания. Невиновного так и не установили. Ибо водкой пахло поголовно от всех, и только от лифтерши тети Поли пахло портвейном «три семерки».

Тухлые яйца как ключ к карьере

Мое первое знакомство с восточной, а точнее сказать с китайской, кулинарией было внезапным, но судьбоносным. В том смысле, что данный эпизод открыл мне путь к работе за рубежом.

Дело было в конце 1952 года. Я уже больше года трудился в редакции «Правды» и как первый в коллективе профессиональный китаист имел перспективу работать в Пекине. Но в 26 лет об этом, разумеется, нечего было и мечтать. На постоянную работу за рубеж посылали только людей со стажем и именем, как минимум сорокалетних.

В первые годы существования КНР китайская тема была приоритетной. Поэтому, когда автор книги «Сражающийся Китай» Константин Симонов вернулся из очередной поездки в эту страну и привез нам свои новые очерки, его лично приветствовал главный и все члены редколлегии.

Симонов рассказал о своих впечатлениях и в качестве экзотического сувенира передал коробку с какими-то глиняными комками. Он, мол, получил их от китайских друзей во время проводов в пекинском аэропорту.

– У нас ведь есть молодой китаист. Этот, как его, Овчинников, – сказал главный редактор. – Позовите его сюда!

Увидеть сразу все руководство «Правды» да еще живого Константина Симонова было для меня полной неожиданностью.

– Вы ведь специалист по Китаю, товарищ Овчинников, – обратился ко мне Ильичев. – Может быть, вы знаете, что это такое?

– Конечно, знаю, – самоуверенно ответил я. – Это императорские яйца. Их обмазывают глиной и хранят полгода. Поэтому среди иностранцев они известны как «тухлые яйца».

– А вы можете съесть такое яйцо?

– Конечно, могу, – нахально подтвердил я, хотя о китайской кухне знал только понаслышке.

– Тогда покажите нам, как это делается!

Я взял одно из яиц, дважды ударил им об стол. Сначала обсыпалась глина, смешанная с кунжутным семенем. Потом лопнула бурая скорлупа. Стал виден черный желеобразный белок, позеленевший желток. Зрелище было кошмарное, а запах – еще хуже. Собрав волю в кулак, я отколупнул скорлупу, засунул перетухшее яйцо в рот и съел его.

Все были поражены, а именитый гость – особенно. По словам Симонова, маршал Лю Бочэн – «китайский Чапаев» – угощал его императорскими яйцами в Чэнду, но писатель при всем уважении к хозяевам отведать их так и не решился.

– Теперь я убедился, что среди правдистов действительно есть специалист по Китаю! – сказал Константин Михайлович.

Хочу отдать должное Ильичеву. Он тут же вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему:

– Оформляйте Овчинникову загранпаспорт. Он достаточно подготовлен, чтобы ехать на постоянную работу в Китай!

Так я стал самым молодым зарубежным собкором не только в «Правде», но и вообще в стране. А «суньхуа дань» – императорские яйца – стали для меня ключом к журналистской карьере.

Русский с китайцем... Поезд Москва – Пекин

В конце марта 1953 года я впервые уезжал на постоянную работу за рубеж. Страна еще находилась под впечатлением похорон Сталина. В поезде Москва – Пекин циркулировали слухи, будто на Транссибирской магистрали неспокойно: Берия, мол, выпустил из тюрем уголовников, которые шастают по вагонам. Поэтому лучше питаться в купе, а на остановках выходить по очереди.

Путь предстоял долгий: до пограничной станции Отпор (ныне Дружба) – семь дней. Да еще два с лишним дня на китайском поезде от станции Маньчжурия до Пекина. Мы с женой ехали в довоенном «СВ» с отдельным санузелом. Родственники принесли на Ярославский вокзал столько еды, что хватило бы на кругосветное путешествие. У нас были кастрюля пирожков, жареная курица, трехлитровая банка огурцов, большая жестянка черной икры, копченая колбаса, варенье. Из-за отсутствия холодильника требовалось использовать все это ускоренными темпами. И все же было интересно охотиться на остановках за местными деликатесами – от горячей картошки до копченого омуля.

Путешествие по Транссибирской магистрали в целом оказалось более приятным, чем мы ожидали. Потом многократно повторяли его, добавляя к отпуску лишние две недели. Главное было подобрать хорошую компанию с гитарой. А поскольку данным поездом также ездили в отпуск коллеги из Пхеньяна и Ханоя, найти попутчиков было легко.

В Отпоре из состава всех высадили. После таможенного и пограничного контроля пассажиров доставили в китайскую гостиницу на станции Маньчжурия. Там мы с наслаждением приняли душ. Но еще больше порадовал ресторан. К жареной индейке подали салат из помидоров и огурцов. А свежие овощи в марте тогда москвичам и не снились.

Северо-Восточный Китай в 1931–1945 годах был японской колонией. В марионеточном государстве Маньчжоу-го дислоцировалась Квантунская армия, для которой модернизировали транспортную сеть. После обшарпанной Сибири нас удивили щегольские вокзалы с крытыми перронами. Пугали только люди – каждый прикрывал рот и нос марлевой повязкой. Рядом, в Корее, шла война, в ней участвовали китайские добровольцы. И были опасения, что американцы применят бактериологическое оружие.

И вот наконец Пекин. Старое здание вокзала находилось напротив городских ворот, за которыми расположена площадь Тяньаньмэнь перед императорским дворцом. Не меньше, чем древние постройки, удивляли потоки рикш и велосипедистов при полном отсутствии других видов транспорта.

Корпункт «Правды» помещался возле главной торговой улицы Ванфуцзин, в переулке с поэтическим названием Колодец сладкой воды. Это был типичный пекинский «сыхэюань», то есть четыре одноэтажных флигеля, обрамлявших квадратный дворик. Красные переплеты окон, оклеенных папиросной бумагой. Земляные полы, застланные циновками, из-под них выползали скорпионы. Буржуйки, чтобы греть воду для ванной и отапливать помещение зимой. Даже в сравнении с московской коммуналкой бытовые условия, мягко говоря, не впечатляли.

Зато за завтраком мы были восхищены тем, что китаец-повар поставил на стол большое блюдо фруктов, где кроме груш, винограда и бананов были неведомые нам манго, папайя. А про жареных голубей или экзотические китайские кушанья и говорить нечего.

Расположенный в пяти минутах ходьбы от корпункта Центральный универмаг наповал сразил обилием товаров по вполне доступным для нас ценам. Жена не устояла перед соблазном купить первые в ее жизни часики, а также шерстяные нитки синего цвета, которые вот уже полвека так и лежат у нас на антресолях.

Сами китайцы жили тогда очень скромно. На ставку водителя мы могли содержать и шофера, и уборщика, и повара. А наша переводчица Наташа – из харбинской семьи русских эмигрантов – имела более высокую зарплату, чем главный редактор «Жэньминь жибао». Однако при своей бедности пекинцы отличались поразительной честностью. Деревянные двери жилищ не запирались. На ночь их просто закрывали на щеколду.

Я часто посылал нашего уборщика (бывшего рикшу) с чеком в банк. И он возвращался через весь город с пачками денег, привязанными к багажнику велосипеда. Советским людям запрещалось ездить на рикшах, от чего страдали наши женщины при поездках за покупками. Одна соотечественница украдкой сошла за два квартала до посольства, щедро заплатив вознице. Но тот преследовал ее до самой проходной, пытаясь вручить сдачу.

В 50-х годах любого иностранца уважительно приветствовали словом «сулянь» (советский) и обращались к нему не иначе как к «старшему брату». Когда романтический дух солидарности и самопожертвования, присущий первой пятилетке, сменился меркантилизмом рыночных отношений, китайцы сильно изменились. Причем не всегда в лучшую сторону. Попав в Пекин в 90-х годах, я был поражен обилием металлических дверей и решеток на окнах. В городе, который не знал замков, участились кражи. И даже уличные торговцы теперь норовят обмануть покупателя трижды: на цене, на весе и на сдаче.

Творческое кредо – «грамматика жизни»

В 50-х годах я семь лет был корреспондентом «Правды» в Китае, в 60-х – семь лет в Японии, в 70-х – пять лет в Англии. Написал об этих странах девятнадцать книг, разошедшихся общим тиражом в семь миллионов экземпляров.

Поскольку в любой стране автор после уплаты налогов получает не менее доллара с каждой проданной книги, зарубежные коллеги были убеждены, что подобный коммерческий успех принес мне не менее семи миллионов долларов.

Но, во-первых, интеллектуальная собственность у нас недооценивалась. В советские годы я получал не по доллару, а по две копейки за экземпляр. Да и эти 140 тысяч брежневских рублей после гайдаровской инфляции превратились в 43 американских доллара. Так что ни яхты, ни виллы у меня нет. Человек, входивший в первую десятку журналистов-международников страны, оказался в категории «новых бедных»...

После путча «Правду» закрыли, а новый руководитель Гостелерадио – демократ первой волны – отстранил меня от воскресной «Международной панорамы», где я тринадцать лет был одним из ведущих.

Пришлось на четыре года уехать в Китай как бы в сахаровскую ссылку – принять приглашение агентства «Синьхуа» на черновую работу в его русской службе. Спасибо «Российской газете», которая предложила писать для нее из Пекина, а потом взяла в штат обозревателем, каковым я являюсь и поныне.

Когда прошла прозападная эйфория козыревского периода, была реабилитирована и моя репутация одного из ведущих востоковедов. Меня включили в состав Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, а также Российско-японского комитета XXI века.

Но вернусь к старым временам. Я проработал в газете почти двадцать лет, написал три книги о Китае и три книги о Японии, когда ощутил некое чувство неудовлетворенности от традиционного журналистского жанра. Захотелось рассказать читателям не только об актуальных политических, экономических и социальных проблемах данной зарубежной страны, но и о той почве, в которой эти проблемы коренятся, о той атмосфере, в которой они прорастают, развиваются и вызревают.

После возвращения из Токио в Москву я опубликовал в журнале «Новый мир» книгу «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы». Именно ее можно считать воплощением моего творческого кредо: убедить читателя, что нельзя мерять чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться лишь на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка.

Попытка создать путеводитель по народной душе, сформулировать «грамматику жизни», дабы объяснить незнакомую страну через ее народ, была новшеством для нашей тогдашней публицистики. Но дело не только в своеобразии замысла. И не только в том, что «Ветку сакуры» впервые опубликовал Александр Твардовский, когда выход каждого номера его столь же опального, сколь и популярного «Нового мира» становился событием в духовной жизни страны. Хотя оба этих обстоятельства, безусловно, усилили редкий для журналистской книги резонанс.

Главной причиной поразительной для самого автора популярности «Ветки сакуры» стало другое. Читатель воспринял это произведение как призыв смотреть на окружающий мир без предвзятости, без идеологических шор. Самой большой в моей жизни похвалой были тогда слова Константина Симонова: «Для нашего общества эта книга – такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы...»

Но именно поэтому «Ветка сакуры», а десять лет спустя «Корни дуба» вызвали нарекания идеологических ведомств. Обеим книгам досталось по полной программе: приостанавливали

подготовку к печати, рассыпали набор, требовали изменений и сокращений. Пришлось кое в чем пойти на компромиссы.

В Японии «Ветка сакуры» стала бестселлером. (Жаль лишь, что СССР не был участником Конвенции об авторском праве и издатели ничего мне не заплатили.) Даже британцы, скептически относящиеся к попыткам иностранцев разобраться в их национальном характере, встретили английское издание «Корней дуба» весьма благосклонно.

Однако это укрепило позиции не автора, а его критиков. Дескать, идейные противники СССР не случайно ухватились за эти писания, ибо присущая им идеализация капиталистической действительности, отсутствие классового подхода льют воду на их мельницу. Таков был официальный вердикт для обеих книг. Лишь в 1985 году, после неоднократно отклоненных представлений, диалогия «Сакура и дуб» была удостоена Государственной премии в области литературы.

Мы часто повторяем слова поэта: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Вступая в эпоху глобализации, нам надо осознать, что такого «общего аршина» не должно быть и при подходе ко всем другим народам. Именно эта истина позволяет моим книгам сохранять актуальность.

Иероглиф на женской груди

Как я уже отмечал, моим творческим кредо в журналистике можно назвать попытку создать психологический портрет зарубежного народа, как бы путеводитель по его душе. Но ведь не зря говорят: «Чужая душа – потемки». Это как бы иероглиф, смысл которого доступен лишь посвященным.

Вся система образов в восточном искусстве – некая иероглифика. К примеру, пион символизирует у народов Дальнего Востока весну и юность, лотос – лето и молодость, хризантема – осень и пожилой возраст, а слива, расцветающая под снегом, – зиму и необходимую в старости жизнерадостность среди невзгод.

Когда-то в Пекине я объяснял все это одному нашему дипломату и его супруге – пышной даме бальзаковского возраста. Мы сидели под платаном в уличной харчевне, а с ветвей свешивались бумажные ленты с надписями, восхвалявшими здешнюю лапшу.

– Как я завидую вам, Всеволод, что вы освоили эту китайскую грамоту, – говорила мне дородная соотечественница оперным контральто. – Я порой глаз не могу оторвать от иероглифов. В них столько гармонии, столько эстетизма! Кстати, попросите, пожалуйста, хозяина отрезать мне на память вот этот иероглиф и, пожалуй, еще вот этот...

Несколько удивленный, владелец харчевни выполнил просьбу иностранки. Та убрала куски бумажной ленты в сумочку, а потом отнесла их портному и попросила вышить иероглифы золотом на вечернем бархатном платье. В нем она и отправилась с мужем на прием по случаю национального праздника Китая.

Премьер Госсовета Чжоу Эньлай чуть не упал от изумления. Ведь на одной груди супруги дипломата было написано «вкусно», а на другой – «дешево».

Этот эпизод я рассказываю в назидание своим внукам, которые любят носить майки со всякими непонятными надписями.

Каюсь, недавно сам купил в Токио майку с объявлением из японизированных английских слов: «Секс-инструктор. Первый урок бесплатно». Надевал ее в Ялте, но никакого отклика надпись не вызвала. Хочу верить, что не из-за моего возраста, а просто из-за того, что у нас еще плоховато знают восточные языки.

Боль на западной стороне живота

Когда в 50-х годах я приехал на постоянную работу в Пекин, жители китайской столицы поразили меня тем, что им как бы генетически присуще безупречное чувство направления. Спросишь первого встречного: «Как пройти на центральный телеграф?» И вместо привычных слов – прямо, направо, налево – слышишь: «Пройдите три квартала на восток и сверните на север. Третье здание за углом».

Можно подумать, каждый пекинец – штурман дальнего плавания! Шанхайцы придумали про своих извечных соперников такой анекдот. Житель Пекина потерял сознание на улице. «Скорая помощь» доставила его в больницу. Там его на каталке долго возили по коридорам, наконец положили на операционный стол. Хирург спросил пришедшего в себя пациента: «Где болит?» И тот, не задумываясь, ответил: «На западной стороне живота...»

Чувство направления не случайно присуще уроженцам таких древних азиатских столиц, как Пекин и Сиань в Китае, Киото и Нара в Японии. Если на Западе люди привыкли связывать свою судьбу с астрологией, то есть с расположением небесных тел в момент их рождения, то на Востоке аналогичную роль играет геомантия – зависимость от окружающих элементов ландшафта. Китайцы называют это «фэн-шуй», буквально – «ветры и воды».

Именно в соответствии с правилами «фэншуй» и был некогда спланирован Пекин. Все его улицы идут или с севера на юг, или запада на восток и пересекаются только под прямыми углами. Поэтому план китайской столицы напоминает лист тетради в клеточку.

«Мишень, пронзенная стрелой» – таков прототип китайского иероглифа «чжун» – середина. (Нечто вроде русской буквы «ф.») Чжунго – Срединное государство. Так именуют китайцы свою страну с тех пор, как император Цинь Шихуан в 221 году до нашей эры объединил семь враждовавших княжеств в бассейне Хуанхэ и построил Великую стену для защиты от набегов кочевых племен.

Китайцы с глубокой древности привыкли считать свою страну центром Поднебесной, а на другие народы взирать как на варваров или своих вассалов. Этот наивный эгоцентризм наложил глубокий отпечаток на национальный характер. Под его воздействием в сознании китайских правителей укоренилось пренебрежение к остальному миру – изоляционизм и консерватизм. Это привело к роковым последствиям: с середины девятнадцатого века Китай стал объектом колониальной экспансии западных держав и Японии.

Если Китай – центр Поднебесной, а Пекин – столица Срединного государства, то центром столицы должен быть императорский дворец. Мало найдется в мире городов, являющих собой столь безупречное воплощение единого архитектурного замысла. Запретный город, то есть ансамбль из 9999 дворцовых помещений, симметрично расположен относительно линии, которая проходит от южных городских ворот до северных. Она служит осью планировки исторической части города. На этой восьмикилометровой прямой расположены все архитектурные доминанты старого Пекина.

Своей расчерченной симметрией город отражает присущий китайскому характеру рационализм, склонность к субординации и порядку. Именно такую столицу должен был построить себе народ, который возвел в ранг религии то, что мы привыкли называть «китайскими церемониями».

То, как сложились эти черты, помогут понять три ключа к китайской душе. Это «три великих учения» – конфуцианство, даосизм и буддизм. Их зарождение совпадает по времени с расцветом древнегреческой цивилизации. Но в отличие от Древней Греции философия в Китае существовала не сама по себе, а была непосредственно подчинена политической практике.

В наибольшей степени это относится к конфуцианству. Строго говоря, оно не религия, а морально-этический кодекс, ибо его главная цель – нравственное совершенствование чело-

века. На вопрос учеников, почему он никогда не говорит им о загробной жизни, Конфуций ответил: «Пока люди не научились правильно относиться друг к другу в этом мире, какой смысл рассуждать о мире потустороннем».

Конфуций появился на исторической сцене 25 веков назад, в эпоху Сражающихся царств, в смутное время нескончаемых междоусобиц, когда главным стремлением людей была жажда мира и порядка. Проблемы управления государством, отношений верхов и низов общества, нормы нравственности и морали – вот стержень конфуцианства.

«Государь должен быть государем, а подданный – подданным. Отец должен быть отцом, а сын – сыном». Эта ключевая фраза из книги Конфуция «Размышления и слова» имела в эпоху раннего феодализма прогрессивное звучание. Ведь она означала, что на преданность подданных вправе рассчитывать лишь справедливый государь, на сыновнюю почтительность – лишь хороший отец.

Неудивительно, что гуманистическая сущность этого учения вступила в противоречие с феодальным деспотизмом Цинь Шихуана. В 213 году до нашей эры он приказал сжечь сочинения Конфуция и живьем похоронил 420 его последователей. Однако потом в течение двух тысяч лет конфуцианство почиталось властями как официальная идеология. Главным критерием при конкурсе на государственную должность было знание классических конфуцианских текстов. А склонность к иерархии, гармонии и порядку, проще говоря, к тому, что мы называем «китайскими церемониями», стала ключевой чертой китайского характера.

Культ недеяния и культ нежелания

Если конфуцианство родилось как протест против смутного времени, то даосизм можно считать реакцией на деспотию власти. Основатель этого учения Лаоцзы называет словом «дао» (буквально – «путь») естественный ход возникновения, развития и исчезновения всех вещей, а также поведение, соответствующее природе человека и законам Вселенной. Даосизм осуждает не только деспотический произвол, но и моральные заповеди. Это призыв сбросить оковы власти, бремя обычаев и традиций, вернуть народ к примитивной простоте и неведению.

Главными принципами поведения Лаоцзы называет естественность и недеяние. Для сильных мира сего это означает «управлять не управляя», избегать принуждения, не делать лишних усилий. Когда Лев Толстой описывал поведение Кутузова накануне Бородинской битвы, он находился под впечатлением книги Лаоцзы, которую перевел на русский язык.

Лаоцзы – первый китайский философ, изложивший законы движения и перемен. Он трактует мир как единство противоположностей, которые превращаются друг в друга. Пословица «нет худа без добра» целиком соответствует даосскому мировоззрению. Взаимное превращение противоположностей означает, что все качества равноценны. В отличие от христианства здесь нет противопоставления добра и зла, учености и невежества.

Даосизм был в Китае как бы диссидентской идеологией. (Зачем постоянно напрягаться, пытаться совершенствовать себя? Каждое существо должно оставаться таким, каким его создала природа). Если конфуцианство служило моральным компасом верхов общества, то даосизм отражал мировоззрение низов и потому может считаться народной религией.

Даосизм оказал огромное влияние на развитие восточного искусства. Поскольку совершенство понимается даосами как максимальный результат при минимальных усилиях, сформировался стиль намеков и недомолвок. Именно даосизм привнес такие понятия, как «преlestь недосказанности» и «красота простоты».

В отличие от конфуцианства и даосизма, буддизм родился не в Китае, а пришел из Индии. Там он возник как протест против кастовой системы. Символом буддийского вероучения служит «колесо жизни»: день сегодняшней есть следствие дня вчерашнего и причина дня завтрашнего. Проявляется это в перевоплощении душ. Если человек несчастлив, значит, он расплачивается за грехи предыдущей жизни.

В основе учения Будды лежат четыре истины. Первая: жизнь полна страданий. Вторая: причиной их служат неосуществленные желания. Третья: чтобы избежать страданий, надо избавиться от желаний. Четвертая: чтобы достичь этого, нужно пройти путь из восьми шагов. Нужно сделать праведными свои взгляды, представления, слова, поступки, быт и, наконец, стремления, мысли, волю. Тот, кто пройдет эти восемь шагов, достигнет просветления, или нирваны.

Итак, даосизм проповедует недеяние, а буддизм – нежелание. Это привело к их своеобразному сосуществованию на китайской почве. В древности не было четкой грани между религией, философией и наукой. Применительно к Китаю можно сказать, что «три великих учения» как раз и олицетворяют эти ветви духовной культуры. Буддизм – прежде всего религия. Даосизм – диалектическая философия, а конфуцианство – наука, именуемая этикой.

За одиннадцать лет жизни в Поднебесной я вновь и вновь убеждался, что китайский национальный характер – это река, в которой слились несколько потоков. С конфуцианством связана склонность расставлять все по своим местам, вести себя по предписанным правилам, возвеличивать ученость. Но в глубине души каждый китаец также и даос, считающий, что бессмысленно вмешиваться в ход вещей, а лучше плыть по течению. Китайской натуре присуща и некая богобоязненность, связанная с буддийскими представлениями о том, что благие поступки будут вознаграждены, а за грехи придется расплачиваться.

«Три великих учения» стали мостом между культурами Китая и Японии. Они не только мирно сосуществовали, но и уживались в душе каждого китайца и японца. Пока на Западе христиане и мусульмане, католики и протестанты убивали друг друга, Китай и Япония подавали пример веротерпимости. Как знать, может быть, традиция уважать чужие убеждения когда-нибудь станет почвой для политического плюрализма не только в Японии, но и в Китае.

Секреты монастыря Шаолинь

Сухие взгорья, редкие клочки полей на склонах. Это бассейн Хуанхэ (Желтой реки) – колыбель китайской цивилизации. Здесь, в далекой глуши, на склоне священной горы Цзуншань в 495 году был основан монастырь Шаолинь. Долгое время он находился в забвении.

Каюсь, сам я мог бы побывать там еще тридцатилетним, а попал лишь шестидесятилетним (в пятидесятых годах меня прежде всего интересовали стройки первой китайской пятилетки). И вот в наши дни Шаолинь обрел огромную популярность, стал местом паломничества. Сюда ежегодно приезжают два миллиона китайских и тридцать тысяч иностранных туристов.

На то есть две причины. Во-первых, монастырь Шаолинь считается родиной ушу – боевых искусств (китайский иероглиф «у» означает оружие, «шу» – искусство). Одна из фресок на монастырской стене рассказывает, как тринадцать здешних монахов спасли Ли Шиминя – второго императора династии Тан. Заговорщики захватили его в плен и держали в заключении в Лояне.

Благодаря владению приемами ушу монахи сумели проникнуть в крепость и вызволить пленника. Вернув себе престол, император щедро отблагодарил спасителей. Шаолинь получил почетный титул «Первый монастырь Поднебесной». Ему была дарована земля, а монахам предписано и впредь совершенствоваться в боевых искусствах.

У монастыря Шаолинь есть и другая причина слыть исторической достопримечательностью. Иероглифы у его главных ворот напоминают: «Здесь была основана школа Чань». Молельный зал монастыря украшает статуя Бодхидхармы, который в 527 году пришел сюда из Индии проповедовать буддизм и стал первым патриархом нового религиозного направления.

Школа Чань (по-японски – Дзэн) – своеобразный сплав индийской йоги и даосской психотехники – на многие века определила «философию жизни» народов Дальнего Востока, своеобразие их этических и эстетических воззрений. Последователи чань-буддизма считают, что не обязательно лишь «смирять себя молитвой и постом», заучивать и повторять священные тексты, вести жизнь отшельника и аскета. К просветлению можно прийти и путем активной медитации, если укреплять свое тело с помощью боевых искусств или развивать восприятие прекрасного через живопись, поэзию, каллиграфию. К активной медитации относят и любую радость общения с природой, будь то рыбалка на заре или хоровое пение у костра. Главное, чтобы, совершенствуя тело и душу, человек делал это в радость, с удовольствием.

В процессе активной медитации легче переходить от логического мышления к образному. А это, в свою очередь, позволяет через подсознание управлять своей жизненной силой, которая в китайской философии и медицине носит название «Ци».

В одном из монастырских храмов настоятель показал мне старинную фреску. На ней изображены монахи, выполняющие различные упражнения с целью обрести «шесть гармоний». Первые три ступени этого пути требуют координации рук и ног, локтей и коленей, плеч и бедер.

Но чтобы подняться выше, нужно овладеть искусством еще трех, уже не внешних, а внутренних гармоний: сердца и разума, разума и духа, духа и силы. Обычный человек действует по формуле «разум – сила». Но если волевой импульс сначала воспламеняет дух («ци») и концентрирует его в нужном месте, сила многократно увеличивается.

Именно монахи школы Чань добавили к владению телом умение управлять духом, перераспределять жизненную энергию, что неизмеримо увеличивает физические возможности человека. В этом и состоит суть загадочного искусства «цигун», что я перевел бы как «усердие духа». Ушу – это техническая сторона боевых искусств. А вот ушу плюс цигун – это уже «одухотворенная борьба», которую называют «кунфу».

Владея вершинами мастерства цигун, можно даже уменьшать силу тяжести. Мне продемонстрировали такой феномен сверхлегкости. Два стула поставили спинками друг к другу на расстоянии около метра. Этот проем перекрыли полосой папиросной бумаги. Двое мужчин сели на стулья, прижав края ленты своим весом.

Девушка отнюдь не хрупкого сложения взялась за спинки стульев, сделала стойку на руках, осторожно ступила сперва одной, а затем другой ногой на провисшую папиросную бумагу и распростерла руки. Видел я и мастера цигун, который вставал на четыре куриных яйца, накрытых прозрачным пластиком, а потом давал проверить хрупкость их скорлупы.

По просьбе настоятеля монахи показали мне в молельном зале свое искусство. Наставник положил на голову ученика четыре кирпича. И с размаху ударив пятым, разбил их на куски. Потом он разделся до пояса и попросил меня бить его стальным прутом толщиной с палец. Мои робкие удары вызвали смех. Ученики с азартом взялись за дело сами. Они хлестали учителя и по плечам, и по спине, и по животу, и по самому уязвимому месту – левому боку.

В завершение показа принесли доску, из которой, как щетина из щетки, торчали шестидюймовые гвозди. Монах улегся на их острые концы. Сверху положили свернутое одеяло, а на него – метровую каменную плиту и принялись бить по ней молотами, пока не раскололи. После этого на спине человека остались ряды красных точек, но кожа нигде не была проколота.

– В отличие от наших предков мы разучились обращаться к своему подсознанию. А если не использовать заложенные в человеке способности, они угасают. С помощью цигун можно выявить резервы человеческого организма, не только физические, но и интеллектуальные, – пояснил мне исследователь цигун профессор Янь Хай.

По его словам, у каждого из нас есть прирожденный «Ци» – потенциал жизненной энергии, полученный в утробе матери. Он дополняется обретенным «Ци» за счет дыхания и питания. Чем лучше хранит человек эти запасы, тем медленнее он старится. В этом и состоит цель Цигун. На высших ступенях этого мастерства можно обрести способность не только сохранять, но и наращивать свою жизненную энергию и направлять ее вовне, чтобы исцелять больных.

После посещения монастыря Шаолинь многие таинственные явления, которые удивляли меня в дальних странах, вроде бы выстроились в какую-то систему. Если резервы организма столь огромны и могут быть подвластны человеку, становится понятнее, как цыган ходит по раскаленным углям, индийский йог проглатывает острый клинок кинжала, а филиппинский лекарь голыми руками удаляет жировики и снова смыкает живые ткани. Если человек действительно может управлять своим духом, то есть – вдумаясь в это слово – воодушевлять себя, нам ясно, что имеется в виду, когда спортсмен «в ударе», у циркача появляется «кураж», на поэта или композитора «находит вдохновение». Если усилиями воли можно не только генерировать, но и передавать жизненную энергию другим людям, стимулировать у них процессы саморегуляции, то объяснимы особые способы исцеления.

Сколько раз человечеству казалось, что наука до конца постигла законы природы, раскрыла все тайны окружающего нас мира! И все-таки остается еще немало непознанного. Как тут не вспомнить Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...»

Вырванные веки Бодхидхармы

Как уже говорилось, буддийский проповедник Бодхидхарма отправился из Индии в Китай и в 527 году добрался до монастыря Шаолинь. Обучая тамошних монахов медитации, он поклялся просидеть лицом к стене девять лет. Но за пару дней до срока не смог превозмочь дремоту и заснул. Разгневанный на самого себя, Бодхидхарма вырвал свои отяжелевшие веки и выбросил их за порог кельи. На этом месте вскоре вырос куст. Оказалось, что его листья несут бодрость, помогают избавляться от сонливости во время медитации.

Так с колоритным персонажем азиатской мифологии притча связывает рождение чая. Первого патриарха школы чань (дзэн) Бодхидхарму китайцы зовут Дамо, а японцы – Дарума. В народном прикладном искусстве его индийское происхождение подчеркивается густыми брезневскими бровями.

Вырванные веки Бодхидхармы – это, разумеется, метафора. Но нет сомнения, что именно буддийские монахи популяризировали чай, сначала в Китае, а потом в Японии. Оба народа обозначают этот напиток одним иероглифом, хотя произносят его по-разному. Китайцы – «ча», а японцы – «тя». Так что русское и монгольское «чай», арабское «шай», голландское, французское и немецкое «тэ», английское «ти» позволяют судить о том, откуда пришел к этим народам чайный лист.

В Россию чай попал по Великому шелковому пути. В 1638 году купцы подарили серебряную шкатулку с чаем основателю династии Романовых царю Михаилу Федоровичу. Лишь полвека спустя голландцы завезли чай в Западную Европу. Ост-Индская компания сумела тайно похитить в Китае чайные листья и доставить их в Индию. А после того как Англия перехватила у Голландии Цейлон, кофейные плантации на острове были заменены чайными.

Поначалу китайцы заваривали чай в нефритовых сосудах, так что пили его лишь люди знатные и богатые. Но после того как был изобретен фарфор, распространению новой посуды способствовала именно возросшая популярность напитка буддийских монахов. Заваривать чай в фарфоровом чайнике китайцы стали со времени династии Мин (1368–1644 гг.), и именно этот способ потом переняли россияне и западноевропейцы.

Наибольшей популярностью на Дальнем Востоке пользуется зеленый чай. В нем много катехинов, которые имеют антиканцерогенные свойства, помогают организму бороться с бактериями и вирусами, способствуют превращению жиров в глюкозы. Именно зеленый чай лучше всего помогает переносить летнюю жару.

Зеленый чай поначалу доминировал и в Европе. Лишь в XVIII веке китайцы, желая приспособить его ко вкусам иностранцев, изменили способ сушки. В сорванных чайных листьях тут же начинается процесс ферментации (окисления). Если прекращать его на более поздней стадии, с тех же кустов можно получить уже не зеленый, а красный чай, который можно пить с сахаром и молоком (как англичане) или с лимоном (как французы и немцы). Красный чай активнее тонизирует, ибо в нем больше кофеина.

В Европе и Америке красный чай практически полностью вытеснил зеленый. Ему остались верны только страны Дальнего Востока. Лишь прозападно настроенная азиатская молодежь считает красный чай такой же данью современной моде, как черный кофе.

Дорогие сорта зеленого чая производят из нежных верхних листочков, сорванных в начале лета. Китайцы, особенно в жаркое время года, непрерывно пьют зеленый чай как дома, так и на работе. Не случайно именно термос стал у них критерием избавления от бедности.

На железнодорожном транспорте чаепитие прямо-таки возведено в культ. Предъявив билет, пассажир получает кружку с указанием места назначения. Каждые два часа проводник приносит большой жестяной чайник и с поистине цирковой ловкостью чуть ли не от дверей

купе льет крутой кипяток в стоящие на столике кружки. Считается, что чем длиннее струя, тем вкуснее будет напиток.

Второе правило заваривания чая гласит, что вода не должна долго кипеть. Чайник надо снимать с огня, как только по его стенкам побегут «жемчужные нити». Третье правило – воду лучше использовать родниковую. А водопроводная должна отстояться в кувшине, чтобы вышел хлор.

Наконец, четвертое правило совпадает с еврейским анекдотом про то, как отец перед смертью передавал сыну секрет заварки чая: «Ложить надо больше!» В прогретый фарфоровый чайник нужно бросить столовую ложку чая и столько же кипяченой воды, залить кипятком и дать настояться 7–10 минут. После этого настой разливают по чашкам, ни в коем случае не разбавляя. Вот тогда получится чай, после которого можно заниматься медитацией, не опасаясь, что веки, как у Бодхидхармы, нальются свинцом.

Азиатские секреты долголетия

Почтенная Хуан Малянь расчесывает косы своей двухлетней праправнучки, которая сидит верхом на гробе из толстых сандаловых досок. Гроб в Южном Китае можно увидеть почти в каждом жилище. Его принято дарить отцу или матери в день шестидесятилетия.

– Этот гроб не мой, а моего младшего сына. Мой стоит в соседнем доме, у старшего сына. Мы уже 44 года храним там семенное зерно, – с улыбкой поясняет Хуан Малянь, глава семьи из пяти поколений.

На южном побережье Китая, в провинции Гуанси, убеждаешься, что долгожители обитают не только в горах. Волость Бама достойна попасть в Книгу рекордов Гиннеса как место, где долгожителей больше всего на свете. Среди 238 тысяч жителей 237 человек старше 90 и 74 – старше 100 лет. Такие, как 104-летняя Хуан Малянь, есть в каждой деревне.

В чем же секрет азиатского долголетия? Связан ли он с местными традициями, с национальным менталитетом? Специалисты восточной медицины считают важной предпосылкой долголетия хорошую наследственность. Если ваши предки жили долго, у вас есть шанс последовать их примеру. Однако хорошие гены – отнюдь не гарантия. Если с любовью ухаживать за «жигулями», то и «копейка» может оказаться долговечнее «мерседеса».

Не меньше чем от генетики азиатское долголетие зависит от образа жизни. Это, во-первых, традиционное питание (его сравнивают со «средиземноморской диетой»). Упор на овощи, фрукты, растительное масло вместо животных жиров. Протеин главным образом за счет рыбы и соевых бобов, непереработанное зерно (рис) вместо дрожжевого хлеба. Приоритет местным и сезонным продуктам.

Во-вторых, долголетию способствует правильный режим сна. В среднем – семь часов в сутки, сокращая это время летом и увеличивая зимой, чтобы вставать и ложиться если не вместе с солнцем, то по возможности ближе к ритму природы. При этом считается, что пересыпать, находясь в постели по 9–10 часов, еще хуже, чем недосыпать, ибо это ведет к депрессии, снижает общий тонус.

В-третьих, долголетию способствует режим подвижности, прежде всего ходьба и домашние дела. Женщины живут дольше мужчин именно потому, что им легче находить для себя посильные нагрузки и тренировать брюшные мышцы. А восточная медицина считает, что человек с ослабевшим животом умирает раньше.

Четвертое слагаемое долголетия – здоровая половая жизнь. Исследования геронтологов подтвердили, что поздние браки лучше слишком ранних. После родов в 16–18 лет женщина преждевременно старится. Тогда как впервые став матерью после 30, она не только в наибольшей степени ощущает эффект омоложения, но и дольше живет.

Даосские монахи считают секс, в том числе и в пожилом возрасте, путем к мужскому долголетию. Однако это не означает, что холостяки-плейбой имеют преимущество перед их женатыми сверстниками. Наоборот, благодаря домашней пище и заботливому уходу семейные мужчины по статистике живут дольше.

По древнекитайской формуле оптимального сочетания партнеров возраст мужчины нужно разделить пополам и прибавить восемь. Сорокалетнему лучше всего соответствует партнерша 28 лет, пятидесятилетнему – 33 лет. Ну а после того, как дети подарили отцу гроб, то есть после шестидесяти, цифру 8 надо не прибавлять, а вычитать. (Меня это уточнение весьма обнадежило.)

Однако, одобряя разницу в возрасте, даосы делают существенную оговорку. Интимная связь пожилого мужчины с молодой женщиной благотворна лишь при искреннем взаимном влечении обоих партнеров. Если же хотя бы один из них это чувство имитирует, то свой запас жизненной силы непоправимо сокращают оба.

Наконец, пятым слагаемым долголетия в Восточной Азии считается оптимистический взгляд на мир, порождаемый любовью и уважением близких. По мнению китайских геронтологов, в старости психическое здоровье гораздо важнее физического. А в семьях, где сверх завещанных Конфуцием «трех поколений под одной крышей» вместе живут четыре, а то и пять поколений, старики имеют не только лучшую комнату и главное место за столом, но и окружены всеобщим почитанием. Именно востребованность их жизненного опыта рождает то светлое мироощущение, которым отличаются китайские долгожители, родившиеся еще в XIX веке.

Наперсток горячего пива

Однажды в начале 50-х годов я отправился в поездку по сельским районам провинции Хэнань. Автомобильных дорог в глубинке еще не было. Меня возил ослик, запряженный в двухколесную арбу. Провел несколько ночей на постоялых дворах. Слава богу, в Северном Китае зимой спят на канах – теплых лежанках, под которыми, как и в русских печах, проходит дымоход.

Наконец приехали в уездный центр. Местное начальство по традиции устроило яньхуй, то есть банкет. Перед гостем положили меню из шестнадцати блюд и двух отрезвляющих супов. Стали разливать в крохотные пиалочки золотистую жидкость. Я подумал, что это шаосинское вино, по крепости аналогичное японскому саке (18–20 градусов). Его пьют именно так: керамические графинчики подогревают в тазу с водой.

Первое лицо произнесло тост: за председателя Мао и председателя Ма (то есть Маленкова). Я выпил и оторопел: в фарфоровом наперстке было пиво, нагретое до температуры чая. Оказывается, кто-то поведал хозяевам, будто иностранцы, коих тут никогда не бывало, любят некое «вино пи». За ним пришлось съездить на железнодорожную станцию.

После первого тоста было предложено выпить за китайско-советскую дружбу, за победу мира и социализма, за светлое будущее человечества. Потом покрасневшие хозяева стали по очереди подходить с предложениями отдельно выпить за комсомол, за профсоюзы, за армию, за госбезопасность и так далее. Когда процедура повторилась по второму кругу, девять изумленных хозяев поинтересовались: сколько же московскому гостю надо выпить «вина пи», чтобы хоть как-то захмелеть?

– А оно у вас еще есть? – спросил я.

Принесли запыленную бутылку пива «Циндао».

Я поднял ее и произнес: «За успех первой китайской пятилетки! Пусть у вас будет столько же неудач, сколько здесь останется капель!» И выпил из горлышка все до дна. Люди за столом смотрели на меня так, словно я только что проглотил ампулу с ядом.

Когда все убедились, что ничего страшного со мной не произошло, первый секретарь укома восхищенно сказал: «Не зря председатель Мао учит нас настойчиво учиться у советского старшего брата!»

С тех пор прошло полвека. И вот недавно я прочел, что по потреблению пива Китай опередил Соединенные Штаты и вышел на первое место в мире. Дай бог, чтобы не только этим обогатился от общения с нами наш великий восточный сосед!

Змея над чашей

Каждому знакома традиционная эмблема фармакологов – змея, склонившая голову над чашей. Люди с глубокой древности знают: чем сильнее яд, тем более он целителен при правильном применении и дозировке. Я имел случай убедиться в этом на собственном опыте, попробовав в Кантоне желчь живой кобры в сезон, когда змея наиболее ядовита.

В духовной культуре народов Дальнего Востока неразрывно связаны между собой кулинария и медицина. Китайские врачи издавна используют алкоголь для накопления и сохранения лечебной силы различных органических веществ, будь то лекарственные растения или такие элементы животного мира, как рог носорога, кости тигра, панты оленя, личинки муравьев и пчел, а также змеиный яд.

Пожалуй, самый экзотический способ использования алкоголя в лечебных целях я испробовал на юге Китая, в Кантоне. Там находится известный во всей Юго-Восточной Азии ресторан «Царь змей». Едва переступив его порог, поражаешься многоведерной фарфоровой чаше с рисовым вином, в котором плавают три змеи. Официанты зачерпывают напиток кувшинами и разносят посетителям. Каждое утро в вино живьем бросают три вида ядовитых змей. Уже к вечеру настой обретает целебные свойства.

Это, так сказать, дежурное блюдо. Но возможны и заказы из меню. Спутники повели меня к батарее бутылок с различными змеями на этикетках. Хозяин ресторана деликатно осведомился о моем здоровье. Спросил, хорошо ли я сплю, не жалуясь ли на ломоту в суставах, не ухудшается ли зрение. В конце концов он выбрал из множеств настоек ту, которую счел наиболее для меня полезной.

Но отведать экзотический напиток пришлось еще более экзотическим путем. На стол поставили прозрачную миску с живыми креветками. На них вылили содержимое бутылки. Креветки неистово заметались, но вскоре затихли. Их надо было съесть сырыми.

Потом нам подали суп под названием «хризантема с тремя змеями». Это была похлебка с цветочными лепестками, имбирным корнем и чуть жестковатым змеиным мясом, нарезанным соломкой.

В 50-х годах меня тут уже потчевали блюдом «битва тигра с драконом», где змеиное мясо готовится вместе с кошачьим. На сей раз нам его не подали (может быть, учитывая предрассудки иностранных туристов, которых теперь в Кантоне куда больше, чем прежде). Зато предложили кушанье с не менее поэтическим названием «дракон играет с фениксом», где роль мифической птицы была предоставлена курице.

Целебные свойства ядовитых змей известны в Китае около трех тысячелетий. Об этом свидетельствуют древние книги. Поначалу змей ловили ради их желчи, высоко ценимой врачами китайской народной медицины. Позже стали использовать змеиное мясо для приготовления изысканных блюд.

Поставщиком желчи для кантонских аптек был и основатель ресторана «Царь змей» У Мань, открывший это прославленное заведение в 1885 году. Нынче там ежедневно расходуется больше сотни змей. Их закупают в горных районах южных провинций, где издавна существуют артели змееловов. Выше всего ценятся древесная змея, которую в народе называют «трехполоска», а также «лопатоголовая кобра» и «золотое колечко» (разновидность медянки). Мясо их идет на кухню, кожу продают для выделки, а очень ядовитые головы непременно сжигают.

Кульминация обеда наступила, когда к столику подошел повар с клеткой, где ползали три змеи. Мне пояснили, что китайская медицина считает змеиную желчь эликсиром молодости и здоровья.

Ее целебные свойства научились сохранять впрок в алкогольных настояках. Но самое лучшее – отведать желчь, только что извлеченную из живой змеи.

Повар уселся на корточки, вытащил из клетки кобру. Правой ногой прижал к полу ее голову, а левой хвост. Змея натянулась между его расставленными коленями. Сверкнув ножом, он сделал надрез, запустил в змеиное тело палец и извлек наружу нечто похожее на маслину. Это был желчный пузырь кобры.

Операция была ловко повторена с двумя другими змеями. Три виноградинки прокололи иглой и выдавили темную жидкость в рисовое вино. Причем оно из золотистого тут же стало изумрудным.

Опьянение от этого напитка было своеобразным и очень приятным. Я испытал прилив вдохновения, словно Остап Бендер в Васюках. Мне пояснили: змеиная желчь повышает способность к импровизации. Поэтому известные рок-группы с Филиппин специально посещают ресторан «Царь змей» перед записью очередного диска.

На юго-западе Китая, как и во Вьетнаме, продают настойку с ящерицей внутри, которая втрое толще бутылочного горлышка. Чтобы сотворить такое чудо, требуется лишь терпение. Пресмыкающееся попадает в бутылку детенышем. Несколько месяцев ящерицу кормят, а когда она вырастает до нужных размеров, заливают вином.

В большом ходу у китайцев настойки на лекарственных растениях. Очень популярен корень женьшеня. Его нужно протолкнуть через бутылочное горлышко непременно «ногами вниз», как он растет. Любят китайцы и настойку на дерезе – оранжевой ягоде, формой и вкусом похожей на барбарис. Используется также множество других корней, листьев, цветов и плодов. Но когда я вижу медицинский символ – змею, склонившую голову над чашей, я прежде всего вспоминаю вино, в которое капнули желчь живой змеи.

Угостят кошкой с мышкой

Китай многолик. Это как бы целый континент, где региональные различия дают о себе знать буквально во всем, от местных диалектов до местной кухни. Сельский житель, приехавший из другой провинции на заработки в город, порой не понимает устную речь своих соотечественников. Когда пассажиры поезда Пекин – Кантон выходят из вагонов размяться и спрашивают: «Сколько продлится стоянка?» – проводник показывает им цифру на пальцах или пишет на ладони воображаемые иероглифы. Разумеется, с развитием телевидения, распространением школьного образования эталонный пекинский диалект повсеместно войдет в обиход.

А вот унификация местных кухонь маловероятна, да и не желательна. Китайская кулинария подобна развесистому дереву, на ветвях которого вызревают разные по вкусу плоды. В принципе свою специфику имеет каждая из провинций. Но есть четыре главные кулинарные школы, которые пользуются популярностью в общенациональном масштабе. Это пекинская кухня на севере и кантонская на юге, сычуаньская на западе и шанхайская на востоке.

На простонародном уровне пекинская кухня славится множеством разновидностей лапши, пельменей, паровых пампушек с начинкой или без нее. Ведь к северу от бассейна Янцзы основу питания составляет пшеница, а не рис. Вторая особенность – обилие солений и маринадов. Теплицы вошли в обиход лишь недавно. А прежде свежие овощи, кроме капусты, зимой были роскошью. Пекинскую кухню отличает интенсивный вкус. Кроме имбиря и кунжутного масла, повара употребляют много чеснока, лука-порея и стручкового перца.

Но больше всего столичная кулинария славится пекинской уткой. В 50-х годах ею можно было полакомиться только в ресторане «Цюаньцзюйдэ» за южными воротами Цяньмэнь. К этому заветному месту вел переулок шириной в метр. Желая позабавить московских гостей, я объяснял им это заботой о подвыпивших посетителях – чтобы при возвращении домой они могли опираться сразу о две стены.

Гостям приносят полдюжины потрошенных уток. На отобранной надо расписаться специальной тушью. Потом птицу «для цвета» натирают сахарной пудрой, заливают внутрь тушки воду, вешают утку на крюк и помещают в подобие русской печи, где она изнутри варится, а снаружи жарится.

Между тем гости усаживаются за стол. Им предлагают множество холодных закусок и горячих блюд, тоже из утки: утиные лапки в остром горчичном соусе, жареные утиные печенки с молотым перцем, вареные утиные язычки, паровые кнели из утиного фарша и еще бог знает сколько всего утинового.

И вот наконец повар приносит саму золотисто-шоколадную утку и ловко разделяет ее так, что на каждом кусочке нежного мяса остается поджаристая корочка. Нужно положить на ладонь тонкую пресную лепешку, на нее – несколько нарезанных соломкой свежих огурцов и стебельков лука-порея, макнуть два-три кусочка жареной утки в пряный сливовый соус, завернуть все это и съесть.

Кантонская кухня в сравнении с пекинской наглядно воплощает контраст между севером и югом, между приморьем и глубиной. Она, скорее, утонченна, чем резка, чаще сладка, чем остра. Самые известные блюда кантонской кухни готовятся из живых морепродуктов. Но данный компонент не является ее единственной особенностью.

Кантонское блюдо «битва тигра с драконом», как уже говорилось, готовится из мяса кошки и кобры. Есть и более экзотичные лакомства. Например, мозг живой обезьяны. Об этом запрещенном в КНР блюде знаю лишь понаслышке. Голову несчастного животного фиксируют специальными тисками – так что из закрытого ящика выдается лишь теменная кость. Ее срубает точно рассчитанным ударом. Обнажившийся мозг едят, когда он еще теплый.

А вот новорожденных мышей пробовать доводилось. На стол ставят открытый китайский самовар с кипящим бульоном и зажженную свечу. Приносят клетку с крохотными трехдневными мышатами, которые, кроме материнского молока, еще ничего не ели. Повар зажимает каждого зверька в кулак и бьет деревянным молоточком по носу. Оглушенных, но живых мышат раскладывают рядами на блюде.

Гостю остается взять крохотное существо за хвост, опалить над свечой и на несколько минут окунуть в кипящий бульон. Потом сварившегося непотрошеного мышонка макают в соус и съедают целиком, вместе с мордочкой и лапками. Косточки легко жуются, а мясо горчит, как лесная дичь, что гурманы особенно ценят.

Пожалуй, именно к кантонской кухне в наибольшей степени относится китайская пословица: «Хороший повар способен приготовить лакомое блюдо из чего угодно, кроме луны и ее отражения в воде».

Время обнимать

Иностранцу, попавшему в Китай в феврале, может показаться, что огромную страну охватила паника. Не тысячи и даже не сотни тысяч, а десятки миллионов людей изо дня в день штурмуют билетные кассы железнодорожного, автомобильного, водного, воздушного транспорта. Все виды пассажирского сообщения работают в авральном режиме.

Причина охватывающей Китай лихорадки – Новый год по лунному календарю. Хотя он теперь официально переименован в Праздник весны, для миллиарда трехсот миллионов жителей страны именно эти две недели остаются порой новогодних праздников, которые каждая семья должна непременно встречать вместе, под одной крышей.

Возвращаются в родные села свыше ста миллионов сезонников, ежегодно отправляющихся на заработки в города, едут на побывку домой сотни тысяч военнослужащих, спешат к своим семьям десятки тысяч бродячих торговцев, ремесленников, лодочников, бурлаков.

Но прежде всего традиция требует, чтобы на праздничный сезон непременно воссоединились супруги, которые по каким-то причинам разлучены. Согласно укоренившимся у китайцев представлениям, в природе для всего есть своя пора. В двадцати четырех двухнедельных сезонах традиционного лунного календаря воплощен многовековой опыт поколений – это, по существу, оптимальный график полевых работ, подсобных промыслов, а также народных праздников.

Издавна было принято считать, что есть своя пора и для активной супружеской жизни: две недели Праздника весны, от первого февральского новолуния до первого полнолуния. Стало быть, десятки миллионов людей включаются в тотальный транспортный аврал именно ради того, чтобы, по традиции, своевременно исполнить свой супружеский долг.

«Если каждый китаец топнет ногой, произойдет землетрясение», – говорил когда-то Наполеон. Будь он прав, сейсмологи должны были бы каждый февраль фиксировать содрогание земной коры в Восточной Азии. Ведь если кто и следует библейскому изречению «Время обнимать и время уклоняться от объятий», так это китайцы.

Когда в прежние времена невестка оставалась «яловой» после двух недель Праздника весны, ей надлежало дать объяснение свекрови: почему? Секс, таким образом, имел как бы прикладное значение. Цель мужа состояла в том, чтобы в очередной раз сделать жену беременной.

Не следует, разумеется, понимать сказанное буквально. Современное поколение, особенно в городах, не признает сезонности в супружеских отношениях. Но инерция многовековых обычаев все-таки дает о себе знать. В частности, после Праздника весны китайские супруги могут спокойно расстаться на несколько месяцев, а то и на год.

Примечательный факт: при посольствах КНР обычно нет начальных школ. Молодые дипломаты работают за границей без жен. А в глухих сельских районах односельчане привыкли отмечать день рождения сообща, в Праздник середины осени. Стало быть, все они были зачаты на лунный новый год.

Конечно, во все века двухнедельный период супружеской жизни не касался верхушки общества. Об этом свидетельствует обширная эротическая литература (например, «Цзинпинмэй» – «Цветы сливы в золотой вазе»). По иным правилам издавна жили приморские города, например Шанхай, прозванный «азиатским Парижем».

Итак, Праздник весны прежде всего – пора воссоединения мужей и жен ради выполнения ими супружеского долга, поистине «время обнимать». Но это и сезон воссоединения под одной крышей всей семьи. Не случайно график школьных и студенческих каникул ежегодно смещается в соответствии с лунным календарем. Новогодние угощения – преимущественно пельмени – у китайцев принято готовить только сообща.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.